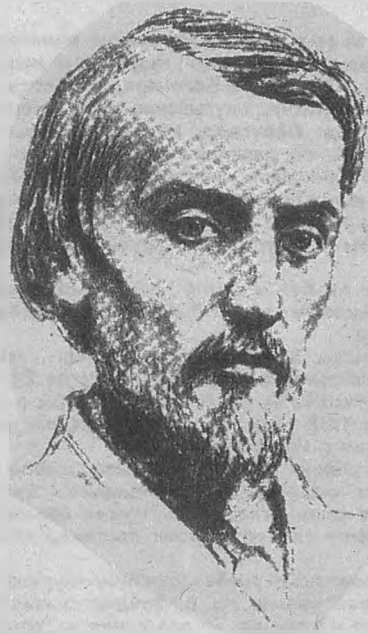

II ИЮНЯ — 180 ЛЕТ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
В. Г. БЕЛИНСКОГО

«У НЕГО БЫЛ КЛЮЧ К СЛОВАМ...»

ношении к Белинскому: все проходит, пройдет и нынешний интеллектуальный снобизм. Есть в культуре имена, которые сами выбирают, когда им являться. Я же, не будучи ни судьей, ни защитником, лишь о том думаю, что справедливость немыслима без объективности. И хотим мы того или не хотим, но представить историю отечественной литературной критики без этого имени нельзя. И «забывчивость» наша характеризует нас в большей мере, чем его, Белинского. Да, потопки вольны принимать или не принимать явления прошлого — это право каждого. Но есть и обязанность: если честны — помнить.

Все оценки субъективны. Но разве не оценка — сам круг, в котором живет и осуществляется человек? Ведь это уже воля круга — впускать в себя или нет; как говорится, насильно мил не будешь. Современник Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Виссарион Белинский был творчески и лично связан с Боткиным, Грановским, Бакуниным, Анненковым, Тургеневым, Достоевским, Гончаровым... Практически со всем цветом интеллигенции тридцатых — сороковых годов.

Да и то, что запрет с имени Белинского, умершего в 1848 году, был снят (и то лишь отчасти) только в 1856-м, после смерти Николая I, тоже наводит на некоторые размышления об общественном значении критика. Ибо заслуга его не только в том, что были использованы новые методы анализа, жанры и стили, но и в том, что этот человек заставил общество по-новому, иными глазами взглянуть на литературную критику вообще: не

как на локальный разбор, а — как на текущую философию. Здесь уместно вспомнить оценку, данную Белинскому Аполлоном Григорьевым в работе «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина. Статья первая. Пушкин. — Грибоедов. — Лермонтов»: «Имя Белинского, как плюш, обросло четыре поэтических венца, четыре великих и славных имени, которые мы поставили в заглавии статьи, — сплелось с ними так, что, говоря о них, как об источниках современного литературного движения, — постоянно бываешь поставлен в необходимость говорить и о нем... Горячего сочувствия при жизни и по смерти стоил тот, кто сам умел горячо и беззаветно сочувствовать. Бесстрашный боец за правду — он не усумнился ни разу отречься от лжи, как только сознавал ее, и гордо отвечал тем, которые упрекали его за изменения взглядов и мыслей, что не изменяет мыслей только тот, кто не дорожит правдой... Смело и честно звал он первый гениальным то, что он таковым сознал, и благодаря своему критическому чутью ошибался редко. Так же смело и честно разоблачал он, часто наперекор общему мнению, все, что казалось ему ложным или напыщенным, — заходил иногда за пределы, но в сущности, в основах, никогда не ошибался. У него был ключ к словам его эпохи...».

Да, вот именно: «не изменяет мыслей только тот, кто не дорожит правдой». Тезис, который всяк трактует теперь по-своему, но — думая о сиюминутной выгоде, а не о правде.

И давно уж цитаты из критических ста-

тей не соседствуют в альбомах со стихами.

...Стоя на Волковом кладбище, где рядом с Белинским покоятся Добролюбов, Писарев и перенесенный сюда с Митрофаньевского кладбища прах Аполлона Григорьева, в очередной раз задумываюсь над этой странной, трагической цифрой — тридцать семь. Пушкин, Рафаэль, Антуан Ватто... За четыре дня до тридцатисемилетия умер и Белинский, оставив наследие, свободным от которого мы не можем считать себя и по сей день, тем более, что в полном объеме оно нами до конца и не осознано. Не о тринадцати томах речь — о сути.

Конечно, разговор об этом критике и философе невозможен без серьезных размышлений о причинах спора с А. С. Хомяковым и И. В. Киреевским, К. С. Аксаковым и Ю. Ф. Самариным. Так же, как невозможен он и без осмысления позиции и направления «Современника», «Отечественных записок», «Московского наблюдателя». Не говоря уж о конкретных произведениях, начиная с «Литературных мечтаний»...

Впрочем, обо всем этом достаточно много сказано как его современниками, так и нынешними исследователями, изучившими и исторические взгляды, и эстетику, и особенности мастерства В. Г. Белинского. Цель этой заметки куда скромнее: в юбилейную дату еще раз вспомнить о человеке, не только мечтавшем о том, что «настанет время... когда никого не будут жечь, никому не будут рубить головы, когда преступник, как милости и спасения, будет молить себе казни, и не будет ему казни, но жизнь останется ему в казнь, как теперь смерть... Не будет богатых, не будет бедных, ни царей и подданных, не будут братья, будут люди...», но и уверенно заявлявшем: «Нам, русским, нечего сомневаться в нашем политическом и государственном значении: из всех славянских племен только мы сложились в крепкое и могучее государство, и как до Петра Великого, так и после него, до настоящей минуты, выдержали с честью не одно суровое испытание судьбы, не раз были на краю гибели, и всегда успевали спастись от нее и потом являться в новой и большей силе и крепости. В народе, чуждом внутреннего развития, не может быть этой крепости, этой силы».

П. ИВАНОВ

Лит. Россия. 1991. 7 июня (№25) - с. 21

3

А ЧЕТЫРЕ часа до смерти, вырвавшись из чахоточного бреда, Белинский неожиданно громко, отрывочно заговорил. По словам его свояченицы, А. В. Орловой, «он говорил о гении, о честности, спешил, задыхался. Вдруг с невыразимой тоской, с болезненным воплем говорит: «А они меня не понимают, совсем не понимают! Это ничего: теперь не понимают — потом поймут».

Наступило ли оно, это «потом»? Всего пять лет назад, когда литературные издания отмечали очередной юбилей критика, можно было бы склониться к утвердительному ответу. Тогда, но не сейчас. В неистовой своей любви ко всему, ранее запрещенному, о Белинском мы сейчас почти не вспоминаем. Молодые — потому что одних лишь школьных уроков, таких, как теперь, хватает, чтобы навсегда отбить интерес к его творчеству; «зрелые» — потому, что страшатся быть неоригинальными, боятся «примкнуть»...

Но я сейчас — не об изменяющемся от-